

Быть Достоевской

Что простая женщина смогла сделать для гения?

Анна Григорьевна Сниткина вошла в дом своего будущего мужа, 44-летнего уже известного писателя Федора Михайловича Достоевского, молодой, во многом наивной девушкой. У него за плечами были каторга, ссылка, несчастный первый брак, смерть супруги и любимого брата, нескончаемые долги, страшная физическая боль эпилептических припадков, одержимость игрой на рулетке, одиночество и главное — знание жизни с ее самой неприглядной стороны. Она же была жизнерадостна, юна, воспитана в тепле и беззаботности, даже хозяйством заниматься толком не умела. Но ту глубину и силу личности, которых она по скромности не отмечала в себе, сумел заметить Достоевский.

Их поспешный брак легко мог кончиться скорым разочарованием. Но именно он принес знаменитому писателю то огромное счастье, которого он никогда раньше не знал. Именно в эти последние 14 лет своей жизни он написал самые сильные и знаменитые свои произведения. «Ты — единственная женщина, которая меня поняла», — повторял он своей Ане, и именно ей посвятил свой последний, гениальный роман «Братья Карамазовы». Что это был за брак? Как хрупкой, неопытной девушке удалось сделать счастливым гения, прочувствовавшего, кажется, все зло в жизни и ставшего великим проповедником Света?

В начале XX века, вспоминая о встрече с вдовой Достоевского Анной Григорьевной, русский актер Л. М. Леонидов (он играл Дмитрия Карамазова в постановке «Братьев Карамазовых» 1910 года в МХТ) писал: «Я увидел и услышал “что-то”, ни на что не похожее, но через это “что-то”, через эту десятиминутную встречу, через его вдову я ощутил Достоевского: сто книг о Достоевском не дали бы мне столько, сколько эта встреча!»

Федор Михайлович признавался, что они с женой «срослись душой». Но вместе с тем он же замечал: неравенство их по возрасту — а между супругами было ни много ни мало почти четверть века разницы, — неравенство их жизненного опыта могло привести к одному из двух противоположных вариантов: «Или, промучившись несколько лет, разойдемся, или проживем счастливо всю жизнь». И судя по тому, что Федор Михайлович с удивлением и восхищением писал на 12-м году брака, что по-прежнему безумно влюблен в свою Аню, жизнь их действительно оказалась очень счастливой. Однако легкой она не была с самого начала: брак Анны Григорьевны и Федора Михайловича прошел испытание бедностью, болезнью, смертью детей, против него восстала вся родня Достоевского. И, наверное, помогло ему устоять в том числе то, что супруги «смотрели в одну сторону», будучи воспитаны в одних ценностях...

Анна Григорьевна родилась 30 августа 1846 года в семье мелкого чиновника Григория Ивановича Сниткина. Вместе со старушкой-матерью и четырьмя братьями, один из которых также был женат и имел детей, Григорий Иванович с семьей жили в большой квартире из 11 комнат. Анна Григорьевна вспоминала, что в их большом семействе царила дружная

атмосфера, никаких ссор, выяснения отношений с родней она не знала и думала, что так бывает в любой семье. Мать Анны Григорьевны — Анна Николаевна Сниткина (Мильтопеус) — была шведкой финского происхождения, а по вероисповеданию — лютеранкой. Встреча с будущим мужем поставила ее перед серьезным выбором: брак с любимым человеком или верность лютеранской вере. Она много молилась о разрешении этой дилеммы. И однажды увидела сон: она входит в православный храм, становится на колени перед плащаницей и молится там. Анна Николаевна сочла это за знак — и согласилась принять православие. Каково же было ее удивление, когда, приехав для совершения обряда миропомазания в Симеоновскую церковь на Моховой, увидела ту самую плащаницу и точь-в-точь ту обстановку, которую видела во сне!

С тех пор Анна Николаевна Сниткина жила церковной жизнью, исповедовалась и причащалась. Духовником ее дочери Неточки с ранних лет был протоиерей Филипп Сперанский. А будучи подростком 13-ти лет, отдыхая во Пскове, юная Аня вдруг решила идти в монастырь. Родителям удалось вернуть ее в Петербург, хотя они пошли на хитрость: приврали, что отец тяжело болен...

В семье же Достоевского, как он выразится потом в «Дневнике писателя», «Евангелие знали чуть ли не с первого детства». Его отец Михаил Андреевич был лекарем Мариинской больницы для бедных, так что судьбы тех, кого писатель потом сделает героями своих произведений, разворачивались перед его глазами — он с детства учился состраданию, хотя в характере его отца и были странным образом смешаны великодушные и угрюмость, вспыльчивость. Мать же Достоевского, Мария Федоровна, которую он безмерно любил и уважал, была человеком редкой доброты и чуткости. И умирала как настоящая праведница: перед самой смертью она вдруг пришла «в совершенную память, потребовала икону Спасителя, и сперва благословила всех <близких>, давая еле слышные благословения и наставления».

В Ане Сниткиной Достоевский увидел такое же доброе, чуткое, сострадательное сердце... И вдруг почувствовал: «со мной она может быть счастлива». Именно так: она может быть счастлива, а не я.

Думал ли он о своем счастье? Как и любой человек, думал. Говорил друзьям и надеялся, что после всех тягот жизни и в том возрасте, который считался у поколения его родителей уже старостью, все-таки пристанет в тихую гавань, будет счастлив в семье. «Счастья еще не было. Я его жду», — говорил он, уже уставший от жизни человек.

Как нередко бывает, к моменту обретения этого счастья в судьбе обоих произошли трагические, переломные события. Весной 1866 года после продолжительной болезни умирает отец Анны. Годом ранее врачи объявили, что Григорий Иванович болен неизлечимо, и надежды на поправку нет, тогда она вынуждена была бросить Педагогическую гимназию, чтобы больше бывать рядом с папой. В начале 1866 года в Петербурге открылись стенографические курсы, они позволяли совмещать образование и уход за родителем — и Анна Григорьевна, по его же настоянию, записалась на курс. Но после 5-6 лекций вернулась домой в отчаянии: «тарабарская грамота» оказалась очень непростым занятием. Именно Григорий Иванович возмущился недостатком терпения и усидчивости в дочери и взял с нее слово, что она закончит курсы. Если б он знал, каким судьбоносным будет это обещание!

Что же происходило в это время в жизни Достоевского? К тому моменту он был довольно известен — в том же доме Сниткиных читали все его произведения. Уже первая его повесть «Бедные люди», написанная в 1845 году, вызвала самые лестные похвалы критиков. Но потом был вал негативных отзывов, обрушившихся на его последующие произведения, была каторга, смерть от туберкулеза первой жены, внезапная смерть любимого брата, предпринимателя, долговые обязательства которого — мнимые и настоящие — Федор Михайлович взял на себя...

К моменту встречи с Анной он еще и содержал своего уже взрослого, 21-летнего, пасынка (сына первой жены Марии Дмитриевны), а также семью умершего брата Михаила и помогал младшему — Николаю... Как он позже признался, «всю жизнь жил в денежных тисках».

И вот в конце лета 1866 года гению литературы пришлось заключить кабальный договор со своим издателем Стелловским: хитрый и предприимчивый, этот человек обязался за 3000 рублей издать полное собрание сочинений Федора Михайловича при условии, что тот в срок до 1 ноября 1866 года напишет полноценный большой роман. При задержке на месяц Достоевский будет обязан выплатить большую неустойку, а если не успеет сдать роман до 1 декабря — права на все его произведения на 9 лет переходят Стелловскому, писатель лишается процентов от публикаций. По сути это означало обречение на долговую тюрьму и нищету. Как писала в «Воспоминаниях» Анна Григорьевна, Стелловский «умел подстергать людей в тяжелые минуты и ловить их в свои сети».

Сама мысль о том, чтобы успеть написать новый полноценный роман в столь сжатые сроки, приводила Федора Михайловича в уныние — ведь писатель еще не окончил работы над «Преступлением и наказанием», первые части которого уже вышли в печать — требовалось закончить. А не выполнив условия Стелловского, он рисковал потерять все, и эта перспектива казалась гораздо более реальной, чем возможность положить на стол издателю готовый роман за оставшееся время.

Как признавался потом Достоевский, в этих обстоятельствах Анна Григорьевна стала первым человеком, который помог ему делом, а не только словом: друзья и родственники вздыхали и охали, сокрушались и сочувствовали, давали советы, но никто не вошел в его почти безнадежное положение. Кроме девицы, недавней выпускницы стенографических курсов, фактически без опыта работы, которая появилась вдруг в дверях его квартиры. Ее, как лучшую выпускницу, порекомендовал основатель курсов Ольхин.

— Хорошо, что Вы не мужчина, — сказал Достоевский после первого краткого их знакомства и «пробы пера».

— Почему?

— Потому что мужчина наверняка бы запил. Вы ведь не запьете?..

Первое впечатление от знакомства у Анны Григорьевны было действительно не самым приятным... Да, она не верила своему счастью, когда профессор стенографии Ольхин предложил ей работать у знаменитого Достоевского — того самого! — которого так почитали дома, ночь не спала, повторяла, боясь забыть, имена героев его произведений (она была уверена, что писатель их будет спрашивать), с бьющимся сердцем спешила, опасаясь опоздать хоть на минуту, в Столярный переулок, а там...

Там ее встретил уставший от жизни, болезненного вида человек, угрюмый, рассеянный, раздражительный: то он никак не мог запомнить ее имени, то, продиктовав слишком быстро несколько строк, ворчал, что она не поспевает, то говорил, что ничего из этой затеи не выйдет.

Вместе с тем Достоевский расположил к себе Анну Григорьевну своей искренностью, открытостью и доверчивостью. В ту первую встречу он рассказал самый, пожалуй, невероятный эпизод своей жизни — его он позже подробно опишет в романе «Идиот». Это момент, когда Достоевского за связь с политическим кружком петрашевцев арестовали, приговорили к расстрелу и привели уже к эшафоту...

«Помню, — говорил он, — как стоял на Семеновском плацу среди осужденных товарищей и, видя приготовления, знал, что мне остается жить всего пять минут. Но эти минуты представлялись мне годами, десятками лет, так, казалось, предстояло мне долго жить! На нас уже одели смертные рубашки и разделили по трое, я был восьмым, в третьем ряду. Первых трех привязали к столбам. Через две-три минуты оба ряда были бы расстреляны, и затем наступила бы наша очередь. Как мне хотелось жить, Господи Боже мой! Как дорога казалась жизнь, сколько доброго, хорошего мог бы я сделать! Мне припомнилось все мое прошлое, не совсем хорошее его употребление, и так захотелось все вновь испытать и жить долго, долго... Вдруг послышался отбой, и я ободрился. Товарищей моих отвязали от столбов, привели обратно и прочитали новый приговор: меня присудили на четыре года в каторжную работу. Не запомню другого такого счастливого дня! Я ходил по своему каземату в Алексеевском равелине и все пел, громко пел, так рад был дарованной мне жизни!»

Выйдя от писателя, Сниткина вынесла с собой тягостное впечатление. Это была тяжесть не разочарования, а сострадания.

«В первый раз в жизни, — напишет она потом, — я увидела человека умного, доброго, но несчастного и всеми заброшенного»...

И та угрюмость, нелюдность, недовольство, которые были на поверхности, не закрыли от ее чуткого сердца глубины его личности. Позже Достоевский напишет жене:

«Ты меня видишь обыкновенно, Аня, угрюмым, пасмурным и капризным; это только снаружи; таков я всегда был, надломленный и испорченный судьбой; внутри же другое, поверь, поверь!»

И она не только поверила, но и удивлялась: как могли люди видеть в ее муже мрачность, когда он «добр, великодушен, бескорыстен, деликатен, сострадате́лен — как никто!»

26 дней.

Будущим супругам предстояло 26 дней совместной работы над романом «Игрок», именно в нем Федор Михайлович описал свою страсть к рулетке и болезненное увлечение вполне реальной личностью — Аполлинарией Суловой, inferнальной женщиной, как о ней говорил сам писатель. Однако эта страсть к игре, которую Федор Михайлович не мог победить много лет, исчезла так же внезапно, как появилась, благодаря незаурядному терпению и необычайной мудрости его молодой жены.

Итак, Анна Григорьевна Сниткина стенографировала роман, дома, часто ночами, переписывала обычным языком и приносила в дом Федора Михайловича. Потихоньку он сам стал верить, что все получится. И к 30 октября 1866 года рукопись была готова!

Рабочий кабинет Достоевского в последней петербургской квартире

Но когда писатель пришел с готовым романом к издателю, оказалось, что тот... уехал в провинцию и неизвестно когда вернется! Принять рукопись в его отсутствие слуга не согласился. Заведующий конторой издателя рукопись тоже отказался принять. Это была подлость, но подлость ожидаемая. Со свойственной ей энергичностью, к делу подключилась Анна Григорьевна — она просила мать посоветоваться с юристом, и тот велел нести труд Достоевского нотариусу, заверить его поступление. Но к нотариусу Федор Михайлович... опоздал! Однако он все-таки заверил свой труд — в управлении квартала под расписку. И был спасен от краха.

Кстати, заметим, что Стелловский, с чьим именем был связан не один скандал и не одна подлость в судьбе писателей и музыкантов, окончил свои дни печально: умер в психиатрической больнице, не дожив до 50 лет.

Итак, «Игрок» окончен, камень свалился с плеч, но Достоевский понимает, что со своей молодой помощницей он не может расстаться... И предлагает после небольшого перерыва продолжить работу — над «Преступлением и наказанием». Анна Григорьевна тоже замечает в себе перемены: все ее мысли — о Достоевском, прежние интересы, друзья, развлечения тускнеют, ей хочется быть рядом с ним.

Объяснение их происходит в необычной форме. Федор Михайлович как бы рассказывает сюжет задуманного им романа, где пожилой, выдавший виды художник влюбляется в молодую девушку... «Поставьте себя на минуту на ее место, — сказал он дрожащим голосом. — Представьте, что этот художник — я, что я признался вам в любви и просил быть моей женой. Скажите, что вы бы мне ответили?» —

«Я бы вам ответила, что вас люблю и буду любить всю жизнь!»

15 февраля 1867 года Анна Григорьевна Сниткина и Федор Михайлович Достоевский венчаются. Ей — 20, ему — 45. «Мне ее Бог дал» — не раз потом скажет писатель о своей второй жене. Правда, для нее этот первый год оказался годом как счастья, так и нелегкого избавления от иллюзий. Она вошла в дом известного писателя, «сердцеведа» Достоевского, которым восхищалась порой даже чрезмерно, называя его своим кумиром, но реальная жизнь грубо «сдернула» ее с этих блаженных небес на твердую землю...

Первые трудности

«Она любила меня беспредельно, я любил ее тоже без меры, но мы не жили с ней счастливо...» — говорил Достоевский о своем первом браке с Марией Исаевой. И действительно, первое супружество писателя, продлившееся 7 лет, почти с самого начала было несчастным: они с женой, имевшей очень странный характер, по сути, и не жили вместе. Как же Анне Григорьевне удалось составить счастье Достоевского?

Уже после смерти мужа, в разговоре с Львом Толстым, она говорила (правда, не о себе — о муже): «Нигде так не выражается характер человека, как в обыденной жизни, в своей семье». Вот тут, в семье, в быту, и дало о себе знать ее доброе, мудрое сердце...

После безмятежной и мирной домашней обстановки Сниткина — теперь Достоевская — вошла в дом, где вынуждена была жить под одной крышей со взбаломощным, непорядочным и избалованным пасынком Федора Михайловича Павлом. 21-летний юнец постоянно жаловался отчиму на невестку, и, оставаясь с ней наедине, старался побольше

уязвить молодую женщину. Попрекал ее неумением вести хозяйство, беспокойством, которое она доставляет и без того болезненному отцу, а сам постоянно требовал денег на свое содержание.

«Этот пасынок мой — признавался Федор Михайлович, — добрый, честный мальчик; но, к несчастью, с характером удивительным: он положительно дал себе слово, с детства, ничего не делать, не имея при этом ни малейшего состояния и имея при этом самые нелепые понятия о жизни».

И прочие родственники держались с Достоевской высокомерно. Вскоре она подметила: как только Федор Михайлович получает аванс за книгу, откуда ни возьмись, объявляется вдова его брата Михаила, Эмилия Федоровна, или младший безработный брат Николай, или у Павла появляются «неотложные» нужды — например, необходимость купить новое пальто взамен старого, вышедшего из моды.

Однажды зимой Достоевский вернулся домой без шубы — отдал ее в залог, чтобы предоставить Эмилии 50 рублей, которые срочно понадобились... Родные пользовались добротой и безотказностью писателя, из дома исчезали вещи — то китайская ваза, подаренная друзьями, то шуба, то серебряные приборы: все приходилось закладывать. Так Анна Григорьевна столкнулась с необходимостью жить в долг, и жить очень скромно. И спокойно, мужественно эту необходимость приняла.

Еще одним тяжелым испытанием была болезнь писателя. Достоевская знала о ней с первого дня их знакомства, но надеялась, что от радостной перемены жизни здоровье Федора Михайловича улучшится. И вот впервые припадок случился, когда молодые супруги были в гостях: «Федор Михайлович был чрезвычайно оживлен и что-то интересное рассказывал моей сестре. Вдруг он прервал на полуслове свою речь, побледнел, привстал с дивана и начал наклоняться в мою сторону. Я с изумлением смотрела на его изменившееся лицо. Но вдруг раздался ужасный, нечеловеческий крик, вернее, вопль, и Федор Михайлович начал склоняться вперед. <...> Впоследствии мне десятки раз приходилось слышать этот «нечеловеческий» вопль, обычный у эпилептика в начале приступа. И этот вопль меня всегда потрясал и пугал. <...>

Тут я впервые увидела, какую страшную болезнью страдает Федор Михайлович. Слыша его не прекращающиеся часами крики и стоны, видя искаженное от страдания, совершенно непохожее на него лицо, безумно остановившиеся глаза, совсем не понимая его несвязной речи, я почти была убеждена, что мой дорогой, любимый муж сходит с ума, и какой ужас наводила на меня эта мысль!» Она надеялась, что с женитьбой его приступы станут происходить реже. Но они продолжались... Она надеялась, что у них хоть в медовый месяц будет время побыть наедине, поговорить, насладиться обществом друг друга, но все ее свободное время занимали зачастившие гости, родные Достоевского, которых она должна была угощать и развлекать, а сам писатель был постоянно занят.

Молодая супруга грустит о прежней жизни, тихой и домашней, где не было места переживаниям, тоске, столкновениям. Грустит о том недолгом времени между помолвкой и свадьбой, когда они с Достоевским проводили вместе вечера, ожидая исполнения своего счастья... А оно исполняться не спешило.

«Зачем он, “великий сердцевед”, не видит, как мне тяжело живется?» — спрашивала она себя. Ее мучали мысли: он разлюбил ее, увидел, насколько она ниже его по духовному и интеллектуальному развитию (что, конечно же, было далеко от правды). Анна Григорьевна думала о разводе, думала о том, что если перестала быть интересна любимому мужу, то ей не хватит смирения остаться при нем — она должна будет уехать: «Слишком много упований на счастье было возложено мною на союз с Федором Михайловичем и так горько было бы мне, если бы эта золотая мечта не осуществилась!»

Однажды происходит какое-то очередное недоразумение, Анна Григорьевна не выдерживает, рыдает и не может успокоиться, и в таком состоянии застаёт ее Федор Михайлович. Наконец, все ее потаенные сомнения выходят наружу — и супруги принимают решение уехать. Сначала в Москву, потом — за границу. Это было весной 1867 года. Вернутся на родину Достоевские лишь спустя 4 года.

Спасти брак

Хотя Достоевская постоянно подчеркивала, что была совсем ребенком, выходя замуж, она необыкновенно быстро освоилась, взяв на себя заботы о семейной «казне». Главной ее задачей было обеспечить мужу покой и возможность заниматься творчеством. Он работал по ночам. Писательство было для Федора Михайловича не только призванием, но и единственным заработком: не имея состояния, как, к примеру, Толстой или Гончаров, он вынужден был все свои произведения (кроме первой повести) писать наспех, торопясь, под заказ, иначе было не выжить...

Умная и энергичная, Анна Григорьевна взяла на себя сношения с кредиторами, разбор долговых расписок, оберегая от всех этих забот мужа. И пошла на риск — заложила свое немалое приданое, чтоб уехать за границу и «спасти свое счастье».

Она была уверена, что только «постоянное духовное общение с мужем сможет создать ту крепкую и дружную семью, о которой мы мечтали».

Кстати, именно ее усилия помогли раскрыть фиктивность многих долгов Достоевского. Несмотря на огромный жизненный опыт, это был настолько доверчивый, честный, совестливый, не приспособленный к жизни человек, что верил каждому, кто приходил к нему за деньгами. После смерти брата Михаила, владевшего еще и табачной фабрикой, к Федору Михайловичу стали являться люди, требуя вернуть деньги, которые задолжал им брат. Среди них было много проходимцев, которые решили нажиться на простоте писателя. Он ни с кого не требовал подтверждения, бумаги, всем верил. Анна Григорьевна взяла все это на себя. Остается лишь догадываться, сколько мудрости, терпения и труда требовала такая деятельность.

В «Воспоминаниях» Достоевская признается: «Горькое чувство подымается во мне, когда вспоминаю, как испортили мою личную жизнь эти чужие долги... Вся моя тогдашняя жизнь была омрачена постоянными размышлениями о том, где к такому-то числу достать столько-то денег: где и за сколько заложить такую-то вещь; как сделать, чтобы Федор Михайлович не узнал о посещении кредитора или об закладе какой-нибудь вещи. На это ушла моя молодость, пострадало здоровье и расстроились нервы». Она мудро оберегала его и от собственных эмоций: когда хотелось развеяться, уходила в другую комнату, старалась никогда не жаловаться — ни на здоровье (довольно слабое), ни на переживания,

всегда ободрять его. Считая уступчивость необходимым условием счастливого брака, жена Достоевского этим редким свойством обладала в полной мере. Даже в те моменты, когда он уходил играть в рулетку и возвращался, проиграв все их пропитание...

Рулетка была страшной бедой. Великий писатель болел ею. Мечтал выиграть ради того, чтобы вырвать свою семью из долговой кабалы. Эта «фантазия» владела им безраздельно, и один он не мог найти в себе силы вырваться из ее лап... Если б не беспримерная выдержка, любовь к мужу и отсутствие какого-либо саможаления Анны Григорьевны.

«Мне было до глубины души больно видеть, как страдал сам Федор Михайлович, — писала она. — Он возвращался с рулетки бледный, изможденный, едва держась на ногах, просил у меня денег (он все деньги отдавал мне), уходил и через полчаса возвращался еще более расстроенный, за деньгами, и это до тех пор, пока не проиграет все, что у нас имеется». А что же Достоевская? Она понимала, что дело не в слабой воле, что это настоящая болезнь, всепоглощающая страсть. И никогда не упрекнула его, не ссорилась с ним, на его просьбы дать денег на игру — не прекословила.

Достоевский на коленях просил у нее прощения, рыдал, обещал бросить пагубную страсть... и снова к ней возвращался. Анна Григорьевна в такие минуты... нет, не молчала многозначительно: она пыталась убедить мужа, что все поправится, что она счастлива, отвлекала его прогулкой или чтением газет. И Достоевский успокаивался...

Когда в 1871 году Федор Михайлович написал, что бросает рулетку, его жена не поверила. Но больше он действительно к игре не вернулся: «Уж теперь твой, твой нераздельно, весь твой. А до сих пор наполовину этой проклятой фантазии принадлежал».

Сонечка

Для бессчетного количества семей потеря ребенка становится роковым испытанием. Достоевских же эта страшная трагедия, пережитая дважды за 14 лет их брака, только сплотила. Первый раз с тяжелейшим горем семья столкнулась на первом году супружества, когда дочка Сонечка, прожив всего 3 месяца, скоростижно скончалась от обыкновенной простуды. Свое горе Анна Григорьевна описывает скупно, она, со свойственной ей самоотверженностью, думала о другом — «страшно боялась за моего бедного мужа». Федор Михайлович, по ее воспоминаниям, «рыдал и плакал, как женщина, стоя пред остывавшим телом своей любимицы, и покрывал ее бледное личико и ручки горячими поцелуями. Такого бурного отчаяния я никогда более не видала».

Через год родилась вторая дочка, Любовь. И Достоевская, боявшаяся, что муж никогда не сможет больше полюбить другого ребенка, заметила, что радость отцовства затмила все прежние переживания. В письме одному критику Федор Михайлович утверждал, что счастливая семейная жизнь и рождение детей — это три четверти счастья, которое человек может испытать на земле.

Вообще его отношения с детьми были уникальными. Он как никто другой умел, как она писала, «войти в детское мировоззрение», понять ребенка, увлечь его беседой, и был в такие моменты сам как ребенок. За границей Федор Михайлович пишет роман «Идиот», и уже на родине заканчивает роман «Бесы». Но жить вдали от России было для супругов тяжелым испытанием, и в 1871 году они возвращаются на родину.

Через 8 дней после возвращения в Петербург в семье рождается сын Федор, а в 1875 — еще один сын, Алеша, названный в честь праведного Алексея, человека Божия — святого, которого Федор Михайлович очень чтит. Это год, когда журнал «Отечественные записки» публикует четвертый великий роман Достоевского, «Подросток»* (*вошедшее в обиход благодаря критикам понятие «Великого пятикнижия Достоевского» подразумевает пять романов писателя: «Преступление и наказание», «Идиот», «Подросток», «Бесы», «Братья Карамазовы».* — Ред).

Анна Достоевская с детьми Федором и Любой

Но семью вновь постигает несчастье. Сын Алеша унаследовал от отца эпилепсию, и первый ее приступ, случившийся у мальчика в трехлетнем возрасте, оказался для него смертельным... На этот раз супруги словно поменялись местами. Несчастливая Анна Григорьевна, женщина необыкновенно сильная, все же не могла справиться с этим горем, потеряла интерес к жизни, к другим своим детям, чем напугала мужа. Он говорил с ней, убеждал покориться воле Божьей, жить дальше. В этот год писатель съездил в Оптину пустынь и дважды встречался наедине со старцем Амвросием, который передал Достоевской свое благословение и те слова, которые потом писатель вложит в уста своего героя, старца Зосимы, в «Братьях Карамазовых»: «Рахиль плачет о детях своих и не может утешиться, потому что их нет», и таковой вам, матерям, предел на земле положен. И не утешайся, и не надо тебе утешаться, не утешайся и плачь, только каждый раз, когда плачешь, вспоминай

неуклонно, что сыночек твой — есть единый от ангелов Божиих — оттуда на тебя смотрит и видит тебя, и на твои слезы радуется, и на них Господу Богу указывает. И надолго еще тебе сего великого материнского плача будет, но обратится он под конец тебе в тихую радость, и будут горькие слезы твои лишь слезами тихого умиления и сердечного очищения, от грехов спасающего».

Что он во мне мог найти?

Свой последний и, по мнению многих критиков, самый сильный роман «Братья Карамазовы» Достоевский пишет с весны 1878 по 1880 год. Его он посвящает своей любимой жене, Анне Григорьевне...

«Анька, Ангел ты мой, все мое, альфа и омега! А, так и ты видишь меня во сне и, “просыпаясь, тоскуешь, что меня нет”. Это ужасно как хорошо, и люблю я это. Тоскуй, ангел мой, тоскуй во всех отношениях обо мне — значит, любишь. Это мне слаще меду. Приеду, зацалую тебя»; «Но как я проживу без тебя и без деток это время? Шутка ли, целых 12 дней» — эти строки из писем Достоевского 1875—1876 годов, в дни, когда он уезжал по делам в Петербург, а семья оставалась на даче в Старой Руссе. Они не требуют комментариев.

Семья стала для него тихой гаванью, а в жену, по его собственному признанию, он много раз в буквальном смысле влюблялся заново. Анна Григорьевна же до конца жизни искренне не могла понять, что нашел в ней сам Достоевский: «Мне всю жизнь представлялось некоторого рода загадкой то обстоятельство, что мой добрый муж не только любил и уважал меня, как многие мужья любят и уважают своих жен, но почти преклонялся предо мною, как будто я была каким-то особенным существом, именно для него созданным, и это не только в первое время брака, но и во все остальные годы до самой его смерти. А ведь в действительности я не отличалась красотой, не обладала ни талантами, ни особенным умственным развитием, а образования была среднего (гимназического). И вот, несмотря на это, заслужила от такого умного и талантливого человека глубокое почитание и почти поклонение».

Конечно же, она не была заурядной личностью, эдакой простушкой, которую ни с того, ни сего полюбил гений. Федор Михайлович и полюбил свою стенографистку, почувствовав в ней не только сострадательный и добрый, но и деятельный, волевой, благородный характер, богатый внутренний мир и искусство быть настоящей женщиной, с достоинством остающейся в тени своего мужа, будучи при этом, без преувеличения, его главным вдохновением.

И хотя Анна Григорьевна и Федор Михайлович действительно «не совпадали характерами», как сейчас принято говорить, но она признавалась, что всегда могла опереться на него, а он — рассчитывать на ее деликатность и заботу, и доверял ей всецело, что тоже удивляло иногда Анну Григорьевну. «Нимало не вторя и не подделываясь друг к другу, и не впутывались своею душою — я — в его психологию, он — в мою, и таким образом мой добрый муж и я — мы оба чувствовали себя свободными душами... Эти-то отношения с обеих сторон и дали нам обоим возможность прожить все четырнадцать лет нашей брачной жизни в возможном для людей счастье на земле».

Достоевской не достался идеальный быт — она была равнодушна к нарядам и привыкла жить в стесненных условиях, в постоянных долгах. Идеальным мужем великий писатель, конечно, тоже не был. К примеру, он был очень ревнив и мог устроить жене сцену, вспылить. Анна Григорьевна мудро избегала ситуаций, которые могли вывести из себя мужа, и старалась

предотвратить последствия его вспыльчивости. Так, в пору его редакционной работы он мог выйти из себя из-за наглости авторов, которые требовали, чтоб в их сочинениях не менялось ни запятой — мог написать им в ответ резкое письмо. А на следующее утро, остыв, очень сожалел об этом, стыдился своей вспыльчивости. Так вот Достоевская в таких случаях не отправляла письма, а дожидалась утра. Когда «оказывалось», что резкое письмо отправить еще не успели, Федор Михайлович очень радовался и писал новое, уже смягчившись.

Она не упрекала его за непрактичность и доверчивость. Анна Григорьевна вспоминала, что ее муж не мог никому отказать в помощи. Если у него не оказывалось мелочи, он мог привести нищего домой и там дать ему денег. «Потом эти посетители начинали приходить сами и, узнав имя мужа благодаря прибитой к двери дощечке, стали спрашивать Федора Михайловича. Выходила, конечно, я; они рассказывали мне про свои бедствия, и я выдавала им копеек тридцать-сорок. Хоть мы и не особо богатые люди, но такую помощь всегда оказать можем». — рассказывала она.

И хотя религиозность не помешала супругам почему-то, может, из любопытства, пойти однажды к какой-то галалке (нагалавшей, кстати, смерть их сына Алеши), все-таки Евангелие всегда сопутствовало их жизни. Достоевская вспоминала, как, укладывая детей спать, Федор Михайлович вместе с ними читал молитву «Отче наш», «Богородице Дево» и свою любимую — «Все упование мое на Тя возлагаю, Матерь Божия, сохрани мя под кровом Твоим»...

В 1880 году Анна Григорьевна взялась за самостоятельное издание его трудов, основав предприятие «Книжной торговли Ф. М. Достоевского (исключительно для иногородних)». И имела успех! Материальное положение семьи поправилось, Достоевские сумели отдать долги. Но жить Федору Михайловичу оставалось недолго. В 1880 году вышел его роман «Братья Карамазовы», и это, по словам его супруги, было последнее радостное событие в его многострадальной жизни.

В ночь на 26 января 1881 года у писателя горлом пошла кровь (еще с каторги он страдал эмфиземой легких). Днем кровотечение повторилось, но Федор Михайлович успокаивал жену и развлекал детей, чтоб они не пугались. Во время осмотра доктора кровотечение было такой силы, что Достоевский потерял сознание. Когда пришел в себя, попросил жену пригласить священника для исповеди и причастия. Исповедовался долго. А утром, через день, сказал жене: «Знаешь, Аня, я уже часа три как не сплю и все думаю, и только теперь сознал ясно, что я сегодня умру». Он попросил дать ему Евангелие, подаренное на пути в ссылку женами декабристов, и открыл наугад: «Иоанн же удерживал Его и говорил: мне надобно креститься от Тебя, и Ты ли приходишь ко мне? Но Иисус сказал ему в ответ: не удерживай, ибо так надлежит нам исполнить всякую правду».

«Ты слышишь, — сказал он жене. — “Не удерживай” — значит, я умру».

Анна Григорьевна вспоминала: «Я не могла удержаться от слез. Федор Михайлович стал меня утешать, говорил мне милые ласковые слова, благодарил за счастливую жизнь, которую он прожил со мной. Поручал мне детей, говорил, что верит мне и надеется, что я буду их всегда любить и беречь. Затем сказал мне слова, которые редкий из мужей мог бы сказать своей жене после четырнадцати лет брачной жизни:

— Помни, Аня, я тебя всегда горячо любил и не изменял тебе никогда, даже мысленно!»

Постскриптум длиной в 37 лет

Всю свою жизнь Анна Григорьевна Достоевская посвятила переизданию книг своего мужа. И свои «Воспоминания» написала только с той целью, чтоб пролить свет на настоящий облик писателя, который стал уже искажаться версиями современников. Ей было всего 34 года, но о другом замужестве не могло быть и речи. «Да и за кого можно идти после Достоевского? — шутила она. — Разве за Толстого!» А всерьез писала: «Я отдала себя Федору Михайловичу, когда мне было 20 лет. Теперь мне за 70, а я все еще только ему принадлежу каждой мыслью, каждым поступком».

Всю жизнь Анна Григорьевна собирала все, что касается Достоевского, и в 1899 году передала более 1000 наименований в хранилище при Историческом музее для создания музея. Издала в 1906 году «Библиографический указатель сочинений и произведений искусств, относящихся к жизни и деятельности Ф. М. Достоевского». Открыла в Старой Руссе, где они часто жили на даче, церковноприходскую школу имени Достоевского для детей из бедных крестьянских семей, с общежитием. В последний год уже тяжело болела, голодала в охваченном войной Крыму. Умерла Анна Григорьевна в Ялте 22 июня 1918 года, а через полвека ее прах был перенесен в Александро-Невскую лавру, туда, где похоронен Федор Михайлович.

Может быть, кого-то смутит то полное забвение себя и преклонение, с которыми Достоевская относилась к мужу, заполнившему всю ее жизнь без остатка. Но кто знает, могло ли быть иначе? Мог ли кто-то менее самоотверженный выдержать тот груз испытаний,

который сопровождал Федору Михайловичу? И удивительно ли, что рядом с великим писателем оказалась поистине великая женщина?

«Многие русские писатели чувствовали бы себя лучше, если бы у них были такие жены, как у Достоевского», — сказал Лев Толстой после встречи с ней. Как ей удалось?.. Если бы Анну Григорьевну Достоевскую попросили рассказать о рецепте счастливого супружества с великим писателем, наверняка им могли послужить такие ее слова: «С чувством надо бережно обращаться, чтобы оно не разбилось. Нет в жизни ничего более ценного, как любовь. Больше прощать следует — вину в себе искать и шероховатости в себе сглаживать»...

*Добраму, благородному
Андрею Андреевичу Достоев-
скому отъ искренно ему пр-
данной и уважающей
А Достоевской
1 июня*

Анна Григорьевна с внуками Андреем и Федором. этот снимок Анна Григорьевна подписала для племянника писателя